

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ev.kamenev@yandex.ru

ПОСТИЖЕНИЕ ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А н н о т а ц и я . В статье ставится под сомнение тезис о преодолении парадигмы постмодерна. Утверждается, что идеи и исследовательские подходы, которые были предложены классиками постмодерна, останутся в качестве элемента теоретико-методологической базы гуманитарных наук и будут сосуществовать наряду с другими концепциями. Это, в свою очередь, актуализирует такие вопросы, как структурированность объекта исследования в исторической науке, статус научности историописания и применение постструктуралистских методик работы с текстом в исторических исследованиях. Показано, что в рамках постмодернистской парадигмы осмысленность и структурированность исторического события понимаются как воздействие языковых структур на хаотический поток информации. Практика историописания лишается статуса научности и сближается с литературой, поскольку в процессе исторического доказательства главную роль играют не столько логические, сколько языковые и литературные приемы, благодаря которым создается иллюзия соответствия описываемых событий исторической реальности. Поэтому в историографии логично использовать исследовательские приемы и методы постструктуралистского литературоведения. Но если в постструктуралистском текстовом анализе предполагается анализ путей смыслообразования как таковых, всех потенциально возможных выходов из произведения в интертекстуальное пространство, то в историографии демонстрация открытости текста сама по себе смысла не имеет. Нужно избежать этой множественности, которая, несомненно, имеет литературоведческий, но не историографический смысл. Все это, в свою очередь, ставит задачу выявления определенного набора культурных кодов, в рамках которых актуализировались вторичные смыслы исторического произведения в конкретный период.

К л ю ч е в ы е с л о в а : постмодерн, постструктурализм, историческая наука, историография, источниковедение, текстовый анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каменев Е. В. Постигание прошлого в контексте современной исторической культуры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.872

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе мы рассмотрим с постструктуралистских позиций проблемы, поднятые М. Ф. Румянцевой в статье «Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии» [16]. Наши тезисы не являются критикой концепции, развиваемой автором, правильнее говорить о комментариях к ней. Мы выделили ряд вопросов, которые, как представляется, логично рассмотреть в контексте настоящей дискуссии и которые в целом соответствуют проблемам, поставленным в исследовании М. Ф. Румянцевой.

ПРЕОДОЛЕНА ЛИ ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНА?

В последнее время все чаще говорится, что современное состояние исторического

знания характеризуется преодолением парадигмы постмодерна¹, что предполагает отказ от имеющейся интеллектуальной традиции и появление новой. На наш взгляд, новая культурная ситуация, если таковая и сформировалась, в полном объеме еще не осмыслена. Многочисленные концепции постпостмодерна, такие как альтермодерн (Николя Буррио), автомодерн (Роберт Сэмюэлс), диджимодерн (Алан Кирби), метамодерн (Робин ван ден Аккер, Тимотеус Вермюлен), гипермодерн (Жиль Липовецкий), представляют собой манифестацию и попытки теоретического осмысления новой культурной ситуации. Все эти концепции пока не могут претендовать на ту завершенность и фундированность, которая характерна для постмодерна.

Заявления о смерти постмодерна появились еще в 1990-е годы, то есть эрозия этой парадигмы идет уже не одно десятилетие. Несмотря на это, постмодерн до сих пор существует и, как представляется, развивается. Поэтому правильнее говорить скорее о появлении на фоне постмодерна новых культурных трендов и одновременном существовании разных парадигм.

Благодаря развитию современных технологий, и прежде всего интернета, постмодернистские феномены смерти автора и языкового конструирования реальности получили дополнительную энергию к существованию. Количество симулякров сейчас в разы превышает то, которое было во время Жана Бодрийера. Характеризуя феномены симуляции и гиперреальности, философ писал о «растворении телевидения в жизни, растворении жизни в телевидении» [7: 48]. Сейчас можно говорить о том, что интернет перевел на новый уровень то, что ранее делало телевидение. Поток информации стал настолько мощным, цифровые средства конструирования мира настолько совершенными, что отличить реальность от знака реальности уже невозможно. Это чисто постмодернистская ситуация.

Благодаря современным технологиям развитие получил и постмодернистский феномен смерти автора. Культура написания уникальных текстов «с чистого листа» уходит в прошлое. Основная масса текстов соткана из цитат, преднамеренных отсылок к другим произведениям и представляет собой обрывки «уже где-то прочитанного», «уже где-то услышанного». Один и тот же нарратив сейчас распространяется многочисленными самыми разными источниками информации, при этом найти его первоисточник, верифицировать информацию, содержащуюся в нем, сложно, а иногда вообще невозможно. Говорит не столько конкретный человек, сколько та культура, к которой он принадлежит, что, в свою очередь, ставит проблему деконструкции текстов. Все это соответствует идеям Жака Деррида и Ролана Барта в постструктуралистский период его творчества. Речь в данном случае идет не о науке, а о массовой культуре, но, поскольку в фокусе внимания гуманитаристики находятся как раз тексты культуры, к этим тенденциям нужно отнестись внимательно.

В любом случае, преодолена постмодернистская парадигма или нет, сам по себе постмодернистский нарратив, думается, никуда не исчезнет. Те идеи и исследовательские подходы, которые были предложены классиками постмодерна, останутся в качестве элемента теоретико-методологической базы гуманитарных наук

и будут сосуществовать наряду с другими концепциями.

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРИРОВАННОСТИ ОБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Позитивистская историография исходит из тезиса о постижении объективной реальности прошлого и принципиальной возможности воссоздать его так, как было «на самом деле». Интеллектуальная традиция, берущая свое начало с семиотического вызова и лингвистического поворота, сконцентрированная вокруг проблемы объективного существования реальности, роли языка и, шире, знаковых систем, в ее конструировании, ставит под сомнение возможность объективной реконструкции прошлого. Логика исследователей при этом такова. Реальность прошлого историка в ее непосредственном наблюдении недоступна. Между историком и прошлым находится посредник в виде естественного языка. Традиционно считалось, что язык является лишь инструментом описания реальности, не приносящим в мир ничего принципиально нового и уж тем более не конструирующим его. Однако сама по себе реальность представляет собой хаотический поток неструктурированной и неинтерпретированной, то есть не наделенной смыслом информации.

Для того чтобы реальность была осмыслена и организована в причинно-следственный ряд, она должна быть инкорпорирована в какую-то знаковую систему, прежде всего выражена на уровне естественного языка в рамках определенного дискурса. Сам факт пересказа события, то есть превращение реальности в текст, приносит в описываемое событие структуру, которая самому этому событию несвойственна. Этот феномен был отмечен еще в рамках структуралистской концепции:

«Превращение события в текст, – писал Ю. М. Лотман, – прежде всего, означает пересказ его в системе того или иного языка, то есть подчинение его определенной заранее данной структурной организации <...> Будучи пересказано средствами языка, оно неизбежно получает структурное единство. Единство это, физически принадлежащее лишь плану выражения, неизбежно переносится на план содержания» [12: 339].

Таким образом, осмысленность и структурированность исторического события, описанного в тексте, является на самом деле не более чем наложением структур, свойственных языку, на хаотический поток информации, получаемый историком извне при помощи органов чувств. Язык, согласно Ф. Анкерсмитту, является основным условием придания миру значения [1: 68].

Однако не только пересказ события на уровне естественного языка повышает степень его организованности. Идеологические, социальные, религиозные и другие коды, то есть то, что относится ко вторичным знаковым системам, повышают степень структурированности события. Как отметил Х. Уайт, «чисто буквалистское описание того, “что произошло” в прошлом», то есть пересказ вне вторичных знаковых систем, может быть использовано только для «создания анналов или хроники, но не “истории”» [18: 13]. Язык организует событие в причинно-следственных и временных координатах, идеологическое же кодирование вносит в событие дополнительную организацию, разделяя информацию в рамках противопоставлений плохо / хорошо, правильно / ошибочно и т. п.

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ БЫТЬ СТРОГОЙ НАУКОЙ?

Вопрос о том, может ли история быть строгой наукой, связан с проблемой доказательства. Доказательство в исторической науке не может быть основано на эмпирическом наблюдении, поскольку объект исследования в исторической науке отсутствует – историк не может непосредственно наблюдать историческое событие.

«Поскольку исторические сущности по определению принадлежат прошлому, их описания не подлежат верификации или фальсификации на основе прямого (контролируемого) наблюдения», – писал Х. Уайт [18: 12].

Не может быть основано историческое доказательство и на строго логическом рассуждении с опорой на формальный язык, который отличается своей точностью и в котором присутствует возможность проверки полученного результата. В распоряжении историка есть только естественный язык.

Историописание представляет собой выстраивание нарратива о прошлом. Главную роль при этом играют не столько логические, сколько языковые и литературные приемы, благодаря которым создается иллюзия соответствия описываемых событий исторической реальности, достигается нужная степень убедительности в изложении материала. Еще Р. Барт в эссе «Дискурс истории» показал, что исторический нарратив по своей структуре соответствует «вымышленному повествованию», которое характерно для художественного текста [2: 427]. Именно литературная составляющая исторического повествования создает необходимый эффект реальности описываемых событий. Так, в историческом дискурсе субъект высказывания стремится к своему отсутствию, дискурс лишен знаков полчатателя, благодаря этому создается эффект бес-

пристрастного описания объективной реальности, история рассказывается как бы сама собой². Кроме того, в историческом повествовании присутствуют детали, которые не могут быть оправданы никакой структуралистской функцией, – ненужные, лишние по отношению к структуре уточнения. Значение их, как показал Барт, заключается в том, чтобы удостоверить подлинность описываемого прошлого³. Закономерным итогом развития этих взглядов был вывод теоретика исторической науки Д. Иггерса (Iggers), согласно которому исторический текст не повествует об объективном прошлом [19: 118]. В этом смысле историописание понимается как разновидность художественной литературы. Разница заключается только в том, что в литературе предполагается повествование о вымышленном объекте, исторический же текст подчинен императиву реальности. Теоретик исторической науки Б. Саутгейт (Southgate) предлагает вообще отказаться в историческом повествовании от оппозиции наука / беллетристика [20: 174].

Все эти идеи отражаются и на понимании исторического факта. В рамках позитивистской парадигмы факт рассматривается как элемент исторической реальности, но в рамках постструктуралистской концепции он оказывается языковым феноменом.

«Я всегда рассматривал “факт” как конструкцию, как то, что Артур Данто назвал “событием в процессе описания”, и потому – как лингвистический или дискурсивный вымысел», – говорил Х. Уайт [18: 13].

В этом смысле знаменитый тезис Жака Деррида «Вне текста не существует ничего» [9: 319] получает свое подтверждение в науке о прошлом.

На первое место в историческом доказательстве выходят, таким образом, не столько собственно научные средства, сколько владение языком, убедительность изложения, сила используемых метафор.

Если понятие доказательства в истории ставится постмодерном под сомнение, то, очевидно, размываются границы понятия исторической истины. Истина как соответствие описываемых событий тому, что было «на самом деле», оказывается относительной. Все это ставит под сомнение научность повествования о прошлом. История понимается не как наука о прошлом, а как искусство интерпретации источников. Причем интерпретация не может быть верифицирована, поскольку ее нельзя сверить с объективной реальностью прошлого ввиду отсутствия этой реальности.

Если история является разновидностью художественной литературы, то вполне логично

применять для анализа историографии исследовательские приемы и методы постструктуралистского литературоведения.

ТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ

Поскольку историк использует для описания прошлого обычный естественный язык, характерной чертой которого является его многозначность и способность надстраивать дополнительные семантические уровни поверх прямого денотативного смысла, историческое повествование точно так же, как и литературное, строится по принципу многоярусной семантики⁴.

Ярким примером текстов, построенных по такому принципу, являются работы советских историков-декабристоведов 1950-х годов. Поскольку рамки статьи ограничены, мы не можем провести анализ даже отдельного фрагмента в советском повествовании о декабристах⁵. Следующие ниже примеры служат лишь целям иллюстрации и являются максимально краткими.

В советской историографии серьезное внимание уделено естественно-научным взглядам декабристов. Историки обращают внимание на то, что декабристы понимали движение как механическое перемещение в пространстве⁶, И. Якушкин, Н. Крюков и А. Барятинский разделяли атомистическую теорию строения материи⁷, А. Бестужев не пропустил ни одного крупного открытия в области естествознания и занимался изучением электрических явлений⁸, П. И. Борисов считал, что атомы находятся в поступательном и вращательном движении, а также в постоянном притяжении⁹, а в Сибири написал работу «О муравьях»¹⁰.

Внимание к этой теме выглядит странно, поскольку естественно-научные интересы членов тайных обществ на первый взгляд не связаны с темой революционного движения в России. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что рассказ о научных изысканиях декабристов иногда не уступает по своему значению повествованию об общественно-политической деятельности членов тайных обществ. При этом мы понимаем прямой смысл этого повествования, но, судя по всему, нарратив о естественных науках несет помимо прямого денотативного еще какой-то смысл. Однако же советские тексты в этом отношении непрозрачны и их культурно обусловленный смысл нельзя выявить без специального исследования.

Тексты, включающие в себя несколько смысловых пластов, нуждаются в анализе, который бы учитывал интертекстуальное пространство¹¹, культурные коды, в рамках которого

прочитывался бы исторический нарратив. Без этого вся полифония смыслов не может быть раскрыта. Другими словами, нужен анализ, близкий к деконструкции¹² или, в терминологии Ролана Барта, к текстовому анализу¹³.

Анализ текста в постструктуралистском литературоведении предполагает изучение не столько конкретных смыслов, сколько путей смыслообразования, всех потенциально возможных выходов из произведения в интертекст: «Мы будем проследивать пути *смыслообразования*. Мы не ставим перед собой задачи найти *единственный* смысл, ни даже *один из возможных* смыслов текста», – писал Барт [5: 425]. Безусловно, такой подход логичен с литературоведческой точки зрения, так как отражает механизм функционирования произведения в интертекстуальном пространстве. В нашем случае демонстрация открытости текста сама по себе никакого исторического знания не несет. Все это позволяет говорить, что прямое заимствование постструктуралистских практик анализа текста в исторической науке непродуктивно.

Интертекстуальное пространство представляет собой ризому¹⁴, количество путей смыслообразования в его рамках стремится к бесконечности, кроме того, они хаотически переплетаются и постоянно трансформируются. Поэтому представляется, что в ризоматическом переплетении путей смыслообразования нужно найти такой путь, который был характерен только в определенный исторический период в рамках конкретной культуры. Понятием, опираясь на которое можно решить эту задачу, является *культурный код*, понимаемый в бартовском ключе как сверткестовая организация значений¹⁵. Задачей историка является выявление именно того кода, который актуализировался в определенный исторический период в пределах конкретной культуры. Именно это ограничение позволит, как представляется, выйти на тот информационный пласт, который представляет исторический интерес.

Кроме того, нужно учитывать, что интеллектуальная операция по выбору культурного кода и погружению повествования в его контекст выполняется не той стороной, которая создает исторический нарратив, а той, которая его воспринимает, то есть читателем. Другими словами, историк должен проследить только те пути смыслообразования, которые были характерны для потенциального читателя, на которого ориентировался автор¹⁶.

Поиск кода, в рамках которого «прочитывались» фрагменты, посвященные естественно-научным изысканиям декабристов, вывел нас

на совокупность прецедентных для советской культуры середины 50-х годов XX века текстов, формировавших понятие *естествознание*. К ним относятся работы руководителей партии и государства В. И. Ленина, И. В. Сталина, курс истории ВКП(б), а также научно-популярные работы крупных советских ученых, несущие явную идеологическую нагрузку. Нужно отметить, что в этих текстах нас интересовало не прямое значение термина *естествознание* (оно предельно ясно, так как нашло закрепление в многочисленных словарях и энциклопедиях), а то культурно обусловленное представление о естественных науках и их роли в государственном строительстве, которое было характерно для советской культуры интересующего нас периода. В своей совокупности эти тексты отражают культурный код, в рамках которого можно уловить вторичные смыслы в работах советских историков.

Научное мировоззрение в прецедентных текстах понималось как мощный инструмент в руках революционера, при помощи которого можно разрушить старый мир и построить новый. На первое место при этом в советской культуре выдвигалось именно естествознание, поскольку оно имело прикладное значение и образовывало интеллектуальную базу для развития промышленности и сельского хозяйства. Неудивительно, что наиболее видные революционеры, ставшие затем руководителями Советского государства, считались одновременно учеными.

Погружение нарратива о естественно-научных интересах декабристов в рамки культурного кода позволяет говорить о том, что нарратив о естественных науках на уровне вторичной знаковой системы отсылает к идее революции. Благодаря указанию на естественно-научные занятия декабристов утверждалась идея революционности членов тайных обществ и достигалась основная цель советского нарратива – подтверждение ленинского тезиса о декабристах как первых русских революционерах.

Если рассматривать этот вывод исключительно с теоретических позиций, то можно говорить о том, что в рамках советского культурного

кода повествование о естественно-научных исследованиях декабристов начинало функционировать как знак революционности, то есть возникало явление семиозиса. Задачей историографического исследования становится, таким образом, семиотический анализ вторичных знаковых систем. Нужно отметить, однако, что этот исследовательский подход, будучи по своим инструментам чисто структуралистским (он предполагает семиотический по своей сути анализ культурного кода), по своим конечным целям является постструктуралистским, поскольку позволяет вывести произведение в интертекст. В этом мы видим не недостаток, а, наоборот, достоинство такого подхода, так как применение структуралистских приемов позволяет избежать в историографическом исследовании постмодернистской игры смыслов и релятивизма в истолковании.

ВЫВОДЫ

Таким образом, представляется, что преодоление парадигмы постмодерна в исторической науке можно поставить под вопрос. Но даже если постмодерн все же уступит место новой парадигме, те идеи и методы, которые были предложены теоретиками постмодерна, останутся в качестве концептуальной и методологической базы исторической науки. Однако в прямом виде замещение практик постмодернистской работы с текстом в исторической науке малопродуктивно. Основная проблема, как представляется, заключается в том, чтобы избежать релятивизма в истолковании текстов и, оставаясь в рамках постмодернистского подхода, получить конкретное историческое знание. Все это возможно на основе применения структуралистских подходов при сохранении общей постструктуралистской направленности исследования.

В целом проблемы, поднятые М. Ф. Румянцева, представляются важными в контексте современного состояния исторической науки, а идеи, сформулированные в ее статье, вызывают желание дискутировать, что подчеркивает серьезность исследования ученого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под постмодернизмом мы вслед за О. Б. Вайнштейном понимаем глобальное состояние цивилизации последних десятилетий, всю сумму культурных настроений и философских тенденций [14: 3]. Постструктурализм же является теоретической основой гуманитаристики эпохи постмодерна.
- ² «На самом деле, – писал Р. Барт, – в этом случае отправитель дискурса исключает из него свою эмоциональную личность, зато подменяет ее другой, “объективной” личностью; субъект вполне сохраняется, но как объективный субъект» [2: 431].
- ³ Подробнее о роли языковых и литературных приемов в создании эффекта реальности см. в работе Р. Барта «Эффект реальности» [4].
- ⁴ В таких текстах присутствует несколько смысловых пластов, при этом «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» [13]. По такому принципу построены художественные тексты. См., например, соответствующие исследования Ролана Барта [3], [5], [6].

- ⁵ Анализ советского нарратива о естественно-научных взглядах декабристов приведен в статье «Идеологическая направленность понятия “естественные науки” в советской историографии декабристского движения середины 1950-х гг.» [11].
- ⁶ Никандров П. Ф. Мировоззрение П. И. Пестеля. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. С. 79.
- ⁷ Там же. С. 78.
- ⁸ Габов Г. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 227.
- ⁹ Щипанов И. Я. Социально-политические и философские воззрения декабристов // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 49.
- ¹⁰ Там же. С. 50.
- ¹¹ Интертекст – это «вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением in absentia (например, в случае аллюзии) или включается в него in praesentia (как в случае цитаты)» [15].
- ¹² Термин «деконструкция» был теоретически обоснован Жаком Деррида [10]. Деррида избегал точного определения этого термина, но он сформулировал тезисы, которые легли в основу деконструктивистской теории: децентрация структуры, отказ от бинарных оппозиций, идея различия (différance).
- ¹³ Текст в данном случае понимается в постструктуралистском смысле как один из вариантов интертекста. Речь поэтому идет не об анализе текста в обычном смысле этого слова, а о процедуре вывода произведения в интертекст.
- ¹⁴ Теоретическое обоснование феномена ризомы см. в работе Жюль Делёза и Феликса Гваттари «Капитализм и шизофрения» [8].
- ¹⁵ Под кодом понимается сверхтекстовая организация значений [5: 456].
- ¹⁶ Речь идет о концепции так называемого М-Читателя, разработанной Умберто Эко. М-Читатель – это комплекс благоприятных условий (определяемых в каждом конкретном случае самим текстом), которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализировал свое потенциальное содержание [17: 25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
2. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
3. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352.
4. Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 392–400.
5. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
6. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
10. Ильин И. И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с.
11. Каменев Е. В. Идеологическая направленность понятия «естественные науки» в советской историографии декабристского движения середины 1950-х гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 121–130. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-121-130
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. С. 150–391.
13. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–294.
14. Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3–16.
15. Пьеге Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
16. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. В печати.
17. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с.
18. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
19. Iggers G. Historiography in the twentieth century – from scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.
20. Southgate B. History meets fiction. [Harlow]: Longman, 2009. 215 p.

Original article

Evgenii V. Kamenev, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ev.kamenev@yandex.ru

COMPREHENSION OF THE PAST IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY HISTORICAL CULTURE

Abstract. The article questions the thesis about overcoming the postmodern paradigm. It is stated that the ideas and research approaches proposed by the postmodern classics will remain as an element of the theoretical and methodological base of humanities and will coexist with other conceptions. This, in turn, actualizes such issues as the structure of the object of a historical study, the scientific status of historical writing, and the approbation of post-structuralist methods of text analysis in historical research. It is shown that within the postmodern paradigm, the meaningfulness and structuredness of a historical event is understood as the impact of linguistic structures on the chaotic flow of information. The practice of historical writing is deprived of scientific status and is shifting towards literature, because in historical proof the main role is given not so much to logical devices as to linguistic and literary means, which create the illusion of the described events corresponding to historical reality. Therefore, it is logical to use research techniques and methods of post-structuralist literary criticism in historiography. However, textual analysis is supposed to examine the ways of meaning formation as such and all the potential exits from the text to the intertext, while in historiography the demonstration of the openness of the text does not make sense in itself. It is necessary to avoid this multiplicity, which undoubtedly has literary, but not historiographical meaning. All this, in turn, poses the task of finding a specific set of cultural codes within which the secondary meanings of a historical work were formed during a specific historical period.

Keywords: postmodernity, post-structuralism, historical science, historiography, source studies, text analysis

For citation: Kamenev, E. V. Comprehension of the past in the context of contemporary historical culture. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.872

REFERENCES

- Ankersmit, F. History and tropology: the rise and fall of metaphor. Moscow, 2009. 400 p. (In Russ.)
- Barthes, R. The discourse of history. *Barthes, R. The Fashion system. Articles on the semiotics of culture*. Moscow, 2003. P. 427–441. (In Russ.)
- Barthes, R. Elements of semiology. *Barthes, R. Writing degree zero*. Moscow, 2008. P. 275–352. (In Russ.)
- Barthes, R. Effect of reality. *Barthes, R. Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow, 1989. P. 392–400. (In Russ.)
- Barthes, R. Textual analysis of a short story by Edgar Poe. *Barthes, R. Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow, 1989. P. 424–461. (In Russ.)
- Barthes, R. *S/Z*. Moscow, 2001. 232 p. (In Russ.)
- Baudrillard, J. Simulacra and simulations. Moscow, 2015. 240 p. (In Russ.)
- Deleuze, G., Guattari, F. A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia. Ekaterinburg; Moscow, 2010. 892 p. (In Russ.)
- Derrida, J. Of grammatology. Moscow, 2000. 511 p. (In Russ.)
- Ilyin, I. I. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow, 1996. 253 p. (In Russ.)
- Kamenev, E. V. Ideological orientation of the “natural sciences” concept in the mid-1950s Soviet historiography of the Decembrist movement. *Ural Historical Journal*. 2022;3(76):121–130. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-121-130 (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. Inside the thinking worlds. *Lotman, Yu. M. Semiosphere*. St. Petersburg, 2000. P. 150–391. (In Russ.)
- Lotman, Yu. M. Theses on the topic of “art among other modeling systems”. *Lotman, Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 274–294. (In Russ.)
- Postmodernism and culture (materials of the round table). *Topics in the Study of Philosophy*. 1993;3:3–16. (In Russ.)
- Piegay Gros, N. Introduction to the theory of intertextuality. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.)
- Rumyantseva, M. F. Source studies in the structure of current historical culture: invitation to discussion. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2). In print. (In Russ.)
- Eco, U. The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts. Moscow, 2005. 502 p. (In Russ.)
- White, H. Metahistory: The historical imagination in nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. 528 p. (In Russ.)
- Iggers, G. Historiography in the twentieth century – from scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, N. H. and London, 1997. 208 p.
- Southgate, B. History meets fiction. [Harlow], 2009. 215 p.

Received: 29 December, 2022; accepted: 31 January, 2023